
А.Б. Асташов

**ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ВОЕННЫХ ВЛАСТЕЙ РОССИИ
ВО ВРЕМЯ «ВЕЛИКОГО ОТСТУПЛЕНИЯ» 1915 г.**

Аннотация. В статье речь идет о политике властей в 1915 г. в отношении тех групп населения, которые считались «враждебными». Анализируются документы, в том числе неопубликованные, описывающие конкретные меры, которые предпринимались в отношении немцев-колонистов и евреев во время «великого отступления» 1915 г. Делается вывод о том, что в основе политики военного командования были не шовинистические соображения, а представления о целесообразности проживания «неблагонадежных элементов» в зоне боевых действий.

Ключевые слова: Первая мировая война, отступление 1915 г., выселение, этнические группы, немцы-колонисты, евреи, Русская армия.

Асташов Александр Борисович – кандидат исторических наук,
доцент РГГУ, Москва. E-mail: astashsh@yandex.ru

**A.B. Astashov. Resettlement Policy of the Russian Military Authorities
During the «Great Retreat» of 1915**

Abstract. The article deals with the policy of the authorities in 1915 regarding those groups of the population that were considered «hostile». The documents, including unpublished ones, describing concrete measures that were taken against the German colonists and Jews during the «great retreat» of 1915 are analyzed. It is concluded that the policy of the military command was based not on chauvinistic considerations, but on the idea of expediency «unreliable elements» in the war zone.

Keywords: the First World War, retreat of 1915, eviction, ethnically groups, German colonists, Jews, Russian army.

Astashov Aleksandr Borisovich – Candidate of History,
associate Professor, Russian State University
for the Humanities (RGGU), Moscow.
E-mail: astashsh@yandex.ru

В годы Первой мировой войны военный опыт приобретали не только армии противоборствующих сторон, но и те, кто вынужденно оказался в прифронтовой полосе – мирное население. Этот опыт был получен главным образом в рамках вынужденного выселения с территорий, на которых проходили боевые действия, и последовавших в его результате бытовых тягот и физического напряжения. Среди тех, кого выселяли, выделялись прежде всего враждебные к Русской армии немцы, особенно немцы-колонисты и евреи. Выселению подвергались также рассматривавшиеся как лояльные к России поляки, белорусы, украинцы, латыши и др. Однако в данной работе речь пойдет прежде всего о тактике армейского командования и гражданских властей по отношению к евреям и немцам.

В литературе выселение немцев-колонистов и еврейского населения из Польши в годы Первой мировой войны трактуется однозначно: в рамках намеренной акции по ликвидации этих этнических групп в ходе развязанной кампании по шпиономании. Кроме того, в выселении видят комплекс мероприятий против собственников для возможной конфискации их собственности. Целью такой политики авторы видят сплочение населения империи на шовинистической почве, а также экономическую поддержку патриотических настроений.

Однозначным в этой литературе представляется и вывод: целей власти не добились, поскольку шовинизм озлоблял различные национальности и на фронте, и в тылу, раскалывал армию и общество. Экономическая же составляющая переселенческой политики подготовила идеологию массовой конфискации земель у собственников, т.е. была одной из предпосылок прихода к власти левых радикалов. Политическая же составляющая выселения евреев привела сначала к фактической ликвидации черты оседлости, а потом проявилась в участии многих евреев в революции. Все авторы сходятся в подчеркивании единства в проведении этой акции как гражданского, так и военного руководства [15, с. 427–444; 1; 18]. Среди причин такой политики авторы работ называют антисемитские и ксенофобские убеждения военного командования [13; 37, с. 26–29].

Долгое время переселенческая политика военных и гражданских властей описывалась на узком круге источников: материалах организаций, защищавших беженцев-евреев [5; 12]. Только в последнее время круг источников расширился за счет привлечения документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), которые характеризуют политику армии по отношению к населению [14]. Однако это не поменяло тенденции: Русскую армию обвиняли в «безумной» тактике «выжженной земли», в карательной и притеснительной политике, массовых репрессиях и т.п. в отношении немцев-колонистов и евреев [44; 15, с. 162–171; 3; 4]. В статье делается попытка осмыслить переселенческую политику, используя широкий круг

источников и концепцию «уязвимых границ» в зоне боевых действий [39; 40].

* * *

Немцы и евреи составляли значительную часть населения Польского края и Прибалтики. Согласно справке Варшавского статистического комитета, на 1 января 1909 г. в 10 губерниях (считая и Холмскую) Польского края проживали 634 649 протестантов, в том числе в селах – 425 733 человек. Из них немцев – 392 100 человек, а немцев-колонистов – 232 935 в 19 018 усадьбах [42, л. 3; 22, л. 86–88]. В России к 1914 г. насчитывалось 5 млн 250 тыс. евреев. В Польском крае их проживало 25%, а в Северо-Западном крае – свыше 27%. Около половины всех российских евреев (включая членов семей) относились к мелкой буржуазии, т.е. к мелким торговцам и ремесленникам, и около четверти – к рабочему классу [8, с. 304–305; 41].

Военные и гражданские власти воспринимали немцев-колонистов и евреев как «неблагонадежные элементы» и до войны. В отношении немцев-колонистов МВД собирало свидетельства об их возможной вредной деятельности для военно-стратегического положения России [21, л. 1–1 об.]. Опасались, что в условиях военных действий скажется психологическая совместимость, родственность культурно-политических установок, жизненного мира немцев-колонистов и Германской армии [30, л. 5 об., 112]. Таким образом, могла бы возникнуть почва для содействия неприятельским войскам [30, л. 5; 5, л. 329]. Среди военных кругов были опасения, что немецкие колонии могут стать готовой базой для германского нашествия. Особенно ситуация накалилась в связи с турецким десантом в Бессарабии в конце ноября 1914 г. Десант высадился как раз в районе немецких поселений [30, л. 17–17 об., 20–30].

Довоенная государственная политика в отношении евреев препятствовала их социально-экономической активности в коренных губерниях России, предоставляя евреям права только в рамках черты оседлости. Впрочем, среди некоторых деятелей славянства, связанных с Российским МИДом, существовали и планы «окончательного решения еврейского вопроса» в случае военного конфликта. Так, видный эксперт по славянству А.Ю. Геровский в своей записке 1914 г. предлагал в ходе будущей войны «прогнать жидов, разделить землю между крестьянами и выселить всех (около 1 млн) евреев из Восточной Галиции, причем обязательно до наступления мира» [9, л. 8, 9, 11]. Во время войны Геровский состоял советником по особым поручениям генерал-губернатора Восточной Галиции В.А. Бобринского, известного националистического деятеля. В своих «памятных записках» по управлению краем Бобринский предполагал «озаботиться о мерах, которые следовало бы

применить в целях прекращения в Галиции еврейского засилья» путем секвестра имений сбежавших евреев-помещиков [27, л. 40 об.].

Некоторые лица из военного руководства страны также разделяли антисемитские убеждения. Однако нельзя говорить, что антисемитских позиций придерживалось все армейское руководство. Только 56% начальников высказывались за удаление евреев из армии накануне войны. Остальные, включая будущего начальника штаба главкомверха М.В. Алексеева и командарма 10-й армии А.Е. Радкевича, считали евреев годными к военной службе, а их нахождение в армии – средством ассимиляции [25, л. 8, 16 об., 18, 98, 118 об., 130].

Существует также крайне ограниченное количество аргументов, в которых можно усмотреть связь антисемитских или антинемецких настроений с военной стратегией на рубежах России. В литературе такую связь видят в существовании «политики населения», якобы развивавшейся в трудах русских военных статистиков А.М. Золотарева и Ф.А. Макшеева [11, с. 13–69; 16, с. 58–59, 232–233, 395, 404]. Однако анализ этих трудов показывает, что в них всего лишь очерчиваются такие факторы будущей войны, как население, ресурсы для Русской армии (скот, повозки, продовольствие) и т.п. Возможность противостояния этнических групп и Русской армии на территории самой России нигде в этих работах не учитывается.

В проектировавшемся «Полевом положении об управлении войск» также ничего не говорится о действиях по выселению определенных враждебных групп, целых селений и городов, а тем более каких-либо этносов. Даже в таких местах будущего театра военных действий, как Восточная Галиция, Царство Польское, район Двинского военного округа предполагалось оставить существовавшее гражданское правление и предоставить гражданским властям дополнительные военно-полицейские функции [26, л. 76–76 об., 159–187]. Это, кстати, привело к серьезным ошибкам в области поддержания обороноспособности тыла: тыловые структуры оказались неготовыми принимать потоки беженцев, содержать войска и боеприпасы, организовать снабжение войск [6, л. 28–39 об., 86–90].

С начала зимы 1914 г. закончилась активная фаза военных действий между Россией и Германией на Западном фронте. Позиционное противостояние породило информационную борьбу: в ход пошли листовки, попытки братания, пропагандистские рассказы о «зверствах» противника по отношению к мирному населению и военнопленным. В ноябре 1914 г. русские солдаты массово сдавались в плен – и пропагандистская машина была призвана остановить этот процесс [38, л. 79, 81–83]. Пропаганда подстегнула антинемецкие настроения, и только благодаря вмешательству властей дело не дошло до погромов [30, л. 7 об.].

Вместе с наступившей паузой в боевых действиях зимой 1914–1915 гг. на первое место стали выходить вопросы создания оборонительной полосы, восстановления хозяйственной жизни края, где немцы-колонисты и особенно евреи играли важную роль. Соответственно, немецкое и еврейское население было хорошо осведомлено о хозяйственно-оборонительных секретах Русской армии. Именно поэтому евреев и немцев постоянно обвиняли в «шпионаже» и «тяготении к неприятелю» [30, л. 112]. Командование утверждало, что немцы-колонисты служили проводниками немецких отрядов, снабжали вражеские отряды сведениями о дислокации русских войск, посылали подозрительные сигналы посредством ракет, почтовых голубей и т.п. [21, л. 15]. Зачастую к этим обвинениям примешивались и личные счеты. Усилившуюся рознь между евреями и местным населением некоторые лица в военном командовании объясняли потерей евреями возможности притеснять славянское православное население, что и приводило к помощи противнику в Галиции и Буковине [32, л. 36–37 об.].

Естественно, военные власти крайне нервно реагировали на любые проявления «содействия» противнику, даже на простое выражения симпатии. Даже поднесение оккупантам «хлеба-соли», цветов и т.п. строго каралось, вызывало репрессии, причем и по отношению к русским, и к полякам, а тем более – к немцам и евреям. Немцев-колонистов обвиняли также в том, что они, изменив, убегали к неприятелю. К тому же во время этих побегов противнику передавались оборонительные секреты [23, л. 2, 3, 6; 34, л. 269 об.]. Наконец, поступали сообщения о диверсионных подрывах на железной дороге, в чем обвиняли враждебные этнические группы [24, л. 23–24 об., 28; 22, л. 32, 34, 96, 138].

Общение населения с противником усилилось с конца 1914 г. В этот «мирный» период, в условиях отсутствия сплошной боевой линии, пограничные области были напичканы многочисленными разъездами противника, легко перемещавшимися по территории, на которой находились русские войска. Противодействовать контактам врага с немцами-колонистами было, в сущности, невозможно. В условиях строительства боевой линии, создания запасов, передвижения войск такие контакты представлялись для военного командования недопустимыми. Именно эти факты стали причиной распоряжения главкомверха о высылке всех немцев-колонистов в кратчайший срок. Мероприятия по выселению были активно поддержаны командованием штаба Северо-Западного фронта во главе с главкомом Н.В. Рузским, генерал-квартирмейстером М.Д. Бонч-Бруевичем и начальником контрразведки фронта Н.С. Батюшиным, всегда стоявшими на антигерманских позициях.

Система выселения враждебных элементов с фронта сформировалась еще до начала массового выселения немцев-колонистов. Задача противодействия интересам противника со стороны враждебно настроенного населе-

ния наталкивалась, однако, на отсутствие серьезных контрразведывательных органов [10, с. 23–27; 2]. В местах противостояния с противником крайне трудно было провести необходимые следственные мероприятия, доказать непосредственную вину нарушителей военных законов. Убрать с театра военных действий сомнительный элемент было легче, нежели налаживать правильную систему противодействия конкретным нарушителям. Так, в приказе главкома армиями Северо-Западного фронта от 7 сентября 1914 г. № 58 указывалось, что в случае, если расследование не выявило доказательств виновности конкретного лица в государственной измене, таковое все равно подлежало высылке во внутренние губернии империи. Выселяемые подлежали направлению за пределы расположения армий и только на время занятия этого района воинскими частями [33, л. 23, 148–148 об., 161; 31, л. 2].

В условиях активного противостояния с противником надо было предпринимать, как полагали в командовании, более действенные меры по контролю над враждебно настроенным населением. Вопрос о выселении немцев-колонистов за пределы театра военных действий впервые был поднят 23 декабря 1914 г., когда главком армиями Северо-Западного фронта генерал Рузский приказал выселять из прифронтной полосы шириной в 15 верст внутрь империи всех немцев-колонистов мужского пола в возрасте 15 лет и старше – кроме больных, не могущих выдержать переезда. А с 30 декабря главковерх уже повелел выслать в кратчайший срок из Привислинского края всех немцев-колонистов [22, л. 1, 3, 46].

Сложная, непрямая передача приказа главноверха породила массу вопросов у гражданских властей. Неясным оказалось, например, само понятие «немец-колонист», поскольку в законах значилось только понятие «поселянин-собственник», без национальной принадлежности. Вставал вопрос о том, кого считать «немцем», что делать с матерями, женами и детьми колонистов, находившихся в действующей армии; жен, вдов, вдовых матерей, детей-сирот и незамужних сестер лиц, убитых или умерших на войне, или лишившихся трудоспособности за ранами и увечьями. В некоторых районах немцы-колонисты вообще не выселялось, но за ними было установлено постоянное наблюдение и периодические проверки [30, л. 95; 22, л. 35].

Для уточнения и согласования подобных случаев Ставка назначила на 25 января 1915 г. особое совещание из представителей Варшавского генерал-губернатора и военного командования; были разработаны и разосланы местным властям специальные правила, касавшиеся выселения [42, л. 28; 22, л. 89–91, 94, 95, 101–102]. Однако даже наличие таких правил не сняло все разногласия [22, л. 109, 113; 30, л. 144, 145, 236 об., 237, 335 об.].

В архивах отложилось множество дел, характеризующих сложные судьбы тех, кто был выслан как «немцы-колонисты». К 8 марта из Польши выселению подверглись только 22 906 немцев-колонистов из 232 935 человек, т.е.

меньше 10% находившихся до войны в крае [21, л. 211–212]. Летом 1915 г. была проведена эвакуация 67 тыс. немецких колонистов из Волынской губернии.

Во время выселения немцев-колонистов местные власти неожиданно оказались в роли временных владельцев огромного количества земель. При этом сама армия испытывала трудности в обеспечении продовольствием. К тому же необходимо было решать вопрос с устройством массы беженцев, выселявшихся из районов расположения войск, организовать борьбу с распространением заразных болезней в тыловом районе армии. В этой ситуации встал вопрос о временном размещении беженцев на землях немцев-колонистов.

Действия администрации по установлению контроля над землями колонистов вызвали попытки захвата этих земель местными польскими крестьянами. Так, в Плоцкой губернии уже в январе 1915 г. в среде низших классов польского населения, по словам губернатора, наблюдались «грабительские инстинкты и полное пренебрежение к чужим правам собственности». Власти требовали принятия срочных мер по охране имущества колонистов [22, л. 70–70 об.], секвестра земель колонистов, передачи пустующих земель местным учреждениям Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). Передача земель в ГУЗиЗ началась с апреля 1915 г. [30, л. 112 об.].

Вопросы собственности на землю немцев-колонистов и ее использования породили, однако, разногласия между Ставкой и Советом министров. Последний в ходе решения проблемы ликвидации немецкого землевладения принял 2 февраля 1915 г. решения о постепенной скупке земель колонистов. Тем самым гражданские власти пытались упорядочить передачу частных земель в руки государства. Такой порядок, однако, не устраивал военных и местную администрацию в Польше. Военное командование предполагало разрешить жителям обработку земель колонистов, чтобы в будущем иметь в районе армии запасы продовольствия. Учитывая бесхозный характер земель, возможность ее попадания в руки спекулянтов, главноверх Николай Николаевич 25 мая 1915 г. распоряжением № 4224 принял решение о приостановке всех сделок по продаже земли немцев-колонистов в частные руки. На деле это означало блокирование всех сделок по передаче этих земель в местные отделения Крестьянского банка и передачу земель в ведение военных и гражданских властей на фронте. Министерство юстиции и Совет министров пытались вернуть контроль над землями немцев-колонистов вплоть до Февральской революции. Распоряжение № 4224 было снято только 6 марта 1917 г. «за отсутствием в настоящее время поводов, послуживших основанием для его издания» [30, л. 126–126 об., 240, 314].

* * *

В отличие от немцев-колонистов, составлявших компактные группы в виде постоянных поселений и представлявших в виде враждебных анклавов, «готовых баз» для противника, евреи считались постоянно перемещающимися лицами, готовыми к «враждебным» действиям в самых различных ситуациях и местах. Это определялось главным занятием евреев в приграничных территориях: торговлей, снабжением населения и армии и т.п.

Первые приказы о выселении еврейского населения были изданы в Восточной Галиции. Здесь была даже попытка осуществить массовое изгнание евреев за границу. Такой вид высылки за пределы страны основывался на запрещении допуска в Россию иностранных евреев по 819 ст. «Законов о состояниях» [32, л. 25]. 27 декабря 1914 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего Русской армии Н.Н. Янушкевич потребовал принятия против евреев Восточной Галиции «самых суровых мер». Неоднократно Янушкевич настаивал на том, чтобы евреев «гнали впереди» армии. Мало этого: именно здесь была предпринята попытка собрать евреев в специальные лагеря («становища») в ожидании «удобного момента» для их «проталкивания» в сторону противника. В этих лагерях, разбросанных по окраинным этапным пунктам на границе с Австро-венгерской армией, существовала довольно жесткая система содержания: жилье в виде шалашей, землянок и легких навесов, под охраной полицейской стражи и с выдачей довольствия сухарями по одному фунту в сутки на человека [32, л. 107 об.].

Однако тактика выдавливания враждебного населения – касающаяся не только евреев, но и немцев-колонистов – в сторону противника не всегда срабатывала. Впервые сбой имел место в Восточной Пруссии, когда выяснилось, что не все немецкое и еврейское население удалось выдворить впереди своих войск. Часть населения осталась на местах. Но будучи обнаруженными, они оказались свидетелями, как считалось, многих оборонительных секретов, которые могли выдать противнику. Такие группы предполагалось или оставлять на месте, усиливая за ними наблюдение, или выявлять среди них подозрительных лиц с дальнейшей высылкой. Так же поступали и с оставшимся еврейским населением в Восточной Галиции. При этом Янушкевич категорически отрицал само наличие приказов о высылке евреев в глубь России [32, л. 2, 3, 17, 18, 26, 27, 36 об., 37, 107 об., 110–111].

Впоследствии для нейтрализации «вредной» деятельности евреев на русском фронте армия использовала несколько видов высылки. Иностранцев подданных, согласно п. 16 ст. 19 «Правил о местностях, состоящих объявленными на военном положении», отправляли в уезды Полтавской губернии вне театра военных действий. Евреи – русские подданные, выселявшиеся с театра военных действий по 16 п. 19 ст., были от надзора свободны и могли прожи-

вать в черте еврейской оседлости. Кроме того, практиковалась высылка отдельных лиц, присутствие которых в данном районе было признано нежелательным [20, л. 8, 30–31; 35; 28, л. 9, 10, 12, 19; 17, л. 118; 19, л. 21 об.; 20, л. 30 об.].

Большую группу высланных евреев составляли неблагонадежные, уличенные в мошенничестве и подозреваемые в шпионстве. Многочисленные сигналы о мошенничестве евреев на фронте поступали от проверяющих организаций – полевых контролеров. Чаще всего такие действия заключались в неправомерном провозе в качестве военных грузов (многие сотни вагонов) продовольственных товаров, топлива, парфюмерных изделий и т.п. с последующей их спекулятивной продажей. Практически всегда эти действия сопровождались участием военнослужащих Русской армии – от рядовых до штаб-офицеров. Это и стало препятствием для полномасштабного расследования всех случаев мошенничества [29, л. 1–5]. В феврале 1915 г. по повелению главковерха было предписано в порядке 12 ст. «Правил о местностях» принимать «самые энергичные и решительные меры, не исключая повешения и телесных наказаний, в случаях мошенничества и обмана» со стороны евреев [32, л. 19]. Реально, однако, дело ограничилось высылкой евреев, подозреваемых в мошенничестве, в Томскую губернию [32, л. 29]. Но после высылки в Ставку посыпались многочисленные прошения, в которых подчеркивались заслуги высылаемых, их деловые качества («чинно и благородно вел дела»), патриотизм («защитник матушки-Руси»), бедствия оставленных многодетных семей, слабое здоровье высланных и т.п. [29, л. 57]. Именно эти жалобы и заявления чаще всего приводятся в качестве иллюстрации бедственного положения высланных евреев в годы войны в целом.

Кроме того, рассматривался и вопрос высылки евреев, которые подозревались в том, что могли «причинить вред» непосредственно в ходе военных действий. «Во избежание недоразумений» они подлежали удалению только из районов, занятых войсками, и притом только в том случае, если войсковые начальники потребуют этого от местной гражданской власти [20, л. 3; 28, л. 60–60 об.].

Выселение самой большой группы евреев (до нескольких сот тысяч) основывалось на п. 4. ст. 415 «Положения о местностях», предоставлявшего командованию право выселять из района боевых действий всех лиц, присутствие которых будет признано нежелательным [36, с. 55; 28, л. 18; 31, л. 102]. Именно эта высылка породила явление еврейского беженства, стала предметом разногласий в военном и гражданском руководстве, а впоследствии – главной темой рассуждений о судьбе российского еврейства в годы Первой мировой войны.

С конца января 1915 г. на уровне штабов армий и корпусов стали издаваться приказы о выселении евреев и всех подозрительных лиц из конкретных

районов боевых действий или важных в тактическом отношении участков (штабы, узлы связи, оборонительные линии). Такие выселения особенно усилились в апреле-мае 1915 г., т.е. во время «великого отступления», и затронули ряд местностей Восточной Галиции, Польские губернии (Варшавскую, Петроковскую, Плоцкую, Сувалкскую), западные окраины России (Гродненскую, Виленскую, Курляндскую, Ковенскую губернии) [20, л. 2, 19, 54, 55]. При этом командование на местах иногда расширительно трактовало понятие района боевых действий, включая в него целые губернии. Наиболее известна попытка выселить, начиная с 27 апреля 1915 г., 300 тыс. человек из Ковенской губернии (район 10-й армии) из почти полумиллиона живших там евреев [28, л. 51–52].

Однако вопреки распространенному мнению, высшее военное руководство, включая и начальника штаба главковерха Н.Н. Янушкевича, выступило против очищения от евреев Ковенской губернии и вообще против «огульных» выселений [32, л. 36, 37, 71]. Главком армий Северо-Западного фронта М.В. Алексеев уже на следующий день после приказа о высылке евреев из Ковенской губернии разъяснял, что такая мера неэффективна, она восстанавливает евреев против армии. Алексеев ссылаясь при этом на неблагоприятный опыт выселения китайцев в Маньчжурии в 1905 г. В своем письме от 6 мая начальникам армий и тыла, Алексеев подчеркивал, что «лично не остановился бы по отношению к евреям перед мерами не только строгости, но даже и крайней жестокости, если бы видел в этом действительную пользу для армии и государства» [32, л. 85–86 об.]. Алексеев и далее постоянно выступал против поголовного выселения лиц любой национальности из районов военных действий [19, л. 21 об.].

Против массовых выселений евреев выступал и Совет министров, опасаясь нарушения черты оседлости, разорения населения, дополнительных тягот для страны по их устройству на новых местах жительства. Союзники по Антанте также выступали против выселения, грозя сорвать оборонные заказы. Наконец в печати, в Государственной думе, в обществе началась широкая кампания против выселения евреев. В результате к 17 мая массовые высылки евреев были полностью прекращены, а высланным евреям было разрешено выехать на места прежнего жительства [28, л. 108–110 об.]. 24 мая по приказу главковерха поголовное выселение было окончательно прекращено, а 17 августа последовало распоряжение об освобождении всех заложников [20, л. 39 об.]. Впоследствии, уже в 1916 г., военные власти очень болезненно воспринимали предложения армейского начальства на местах о попытках огульного, т.е. многотысячного, целыми селениями, выселения евреев с театра военных действий. Так, на предложение главкома Северного фронта в марте 1916 г. выдворить с театра военных действий около 14 тыс. человек в районе Двинска Алексеев сначала потребовал отсрочить уже согласованное с МВД высе-

ление. А в апреле потребовал вообще прекратить подобную практику [35, л. 15, 16].

Представленный материал позволяет сделать следующие выводы. В условиях маневренной войны на прифронтовом приграничье сложилась сложная ситуация, связанная с близостью противодействовавших армий, самой подвижностью «границы». В связи с этим возникали эпизоды этнического противостояния, в частности «отложения» этнических групп, существовавших в рамках анклавов, близких по культурному смыслу к противнику. В прифронтовых областях не соблюдались гражданские и военные законы, существовали и факты прямой измены в виде вынужденного или прямого шпионажа, мошенничества и т.п. Попытки кардинального решения вопроса в виде высылки враждебных этнических групп вперед фронта к противнику или наоборот внутрь страны с театра военных действий натолкнулись на неясность самих критериев отбора групп выселяемых (в случае с немцами-колонистами) и на сбой тыловой организации снабжения, как это произошло при массовом выселении евреев. В этой ситуации командование, исходя из задачи обеспечения эффективности военных действий, в итоге ограничилось контролем за враждебным населением в прифронтовых местностях. При этом командование учитывало не проблемы гуманизма, а проблемы эффективности переселенческой политики.

Библиография

1. Бахтурина А.Ю. «Лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить»: Немцы-колонисты и российское общество в годы «германской» войны // Новый исторический вестник. 2013. Вып. 35. С. 6–32.
2. Васильев И.И., Зданович А.А. Генерал Н.С. Батюшин. Портрет в интерьере русской разведки и контрразведки // Батюшин Н.С. Тайная военная разведка и борьба с ней. М.: ОО «Х-history», 2002. С. 26–28.
3. Гольдин С. Депортация Русской армии евреев из Ковенской и Курляндской губерний // Евреи в меняющемся мире: Материалы 5-й международной конференции (Рига, תרצ"ט, 16–17 сентября 2003 г.). Рига: Центр изучения иудаики Латвийского университета, 2005. С. 260–265.
4. Гольдин С. Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: Причины формирования негативного стереотипа // Мировой кризис 1914–1920-х годов и судьба восточноевропейского еврейства. М.: РОССПЭН, 2005. С. 29–46.
5. Дознания и переписка по делам о грабежах, мародерстве, торговле спиртом. 1916 г. // РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 301. 593 л.
6. Докладные записки о проекте Положения о полевом управлении войск. 1913–1914 гг. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2305. 113 л.
7. Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. Берлин, 1928. С. 245–284.
8. Западные окраины Российской империи. Под ред. М.Д. Долбилова и А.И. Миллера. М.: НЛО, 2006. 608 с.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

9. Записка А.Ю. Геровского о политике России в Прикарпатье. Август 1914 г. // АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 91. Л. 8–13.
10. Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство М.: Крафт+, 2004. 240 с.
11. Золотарев А.М. Военно-географический очерк окраин России и пути в соседние территории: Курс военных и юнкерских училищ. СПб.: Типолит. М.П. Фроловой, 1903. 246 с.
12. Из черной книги русского еврейства. Материалы для истории войны 1914–1915 годов // Еврейская старина. Трехмесячник Еврейского историко-этнографического общества. СПб., 1918. Т. X. С. 195–296.
13. Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85–97.
14. Лор Э. Новые документы о Российской армии и евреях во времена Первой мировой войны // Вестник Еврейского университета. М.; Иерусалим, 2003. № 8 (26). С. 245–268.
15. Лор Э. Русский национализм и Российская империя. Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: НЛО, 2012. 304 с.
16. Макшеев Ф.А. Военное хозяйство. Курс Интендантской академии. Часть третья. Снабжения в военное время. Пг.: Типография П. Усова, 1915. 612 с.
17. Материалы об организации гражданского управления в Галиции. 1914–1916 гг. // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 12. 337 л.
18. Нелипович С.Г. В поисках внутреннего врага: Депортационная политика России в 1914–1918 гг. // Первая мировая война и участие в ней России. М.: ГПИБ, 1994. Т. 1. С. 54–64.
19. О выселении беженцев. 1916 г. // РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 286. 23 л.
20. О выселении еврейского населения во внутренние губернии России и о ходатайствах административно-ссылных лиц об освобождении от высылки. 1915–1916 гг. // ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 904. 72 л.
21. О выселении немцев-колонистов во внутренние губернии России в связи с военными действиями. 1914–1915 гг. // ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 524. 324 л.
22. О колонистах, высылке немцев-колонистов из Привислинского края. 1914–1915 гг. // ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 611. 254 л.
23. О конфискованном имуществе немцев-колонистов, перешедших на сторону Германских войск. 1915 г. // ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 213. 25 л.
24. О наблюдении за передвижением немецких войск на территории губерний Царства Польского. 1914 г. // ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 167. 132 л.
25. О призыве евреев. 1913–1916 гг. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 37. 342 л.
26. Об организации Положения о полевом управлении войск. 1913–1914 гг. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2312. 382 л.
27. Об организации управления в оккупированной русскими войсками Галиции. 1914–1915 гг. // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 13. 646 л.
28. Общие распоряжения о высылке евреев. 1915 г. // РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 455. 168 л.
29. Общие распоряжения о высылке евреев. 1915–1916 гг. // РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 456. 428 л.
30. Переписка о выселении немцев-колонистов. 1914–1917 гг. // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. 336 л.
31. Переписка о высылке колонистов, евреев. 1915–1916 гг. // РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. 692 л.

32. Переписка об ограничении въезда евреев в Галицию. 1914–1917 гг. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. 1869. 219 л.
33. Переписка с губернским жандармским управлением о заподозренных в шпионаже. 1914–1915 гг. // РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 340. 451 л.
34. Подлинные постановления Варшавского генерал-губернатора о наложении административных взысканий. 1915 г. // ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 699. 275 л.
35. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. СПб.: Государственная типография, 1895. Т. XII. 1892 г. Ст. 8757. С. 480.
36. Положение о полевом управлении войск в военное время: Проект. СПб.: Воен. тип., 1914. 67 с.
37. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, 2001. 328 с.
38. Распоряжения Верховного Главнокомандующего. 1914 г. // РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 10. 342 л.
39. Рибер А. Дж. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: Сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала «Ab Imperio»). Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 199–222.
40. Рибер А. Дж. Устойчивые факторы российской внешней политики: Попытка интерпретации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2001. С. 94–145.
41. Россия. Демография еврейского населения Российской империи (1772–1917) // Электронная еврейская энциклопедия. Т. 7. Стлб. 382 // <http://www.eleven.co.il/article/15443> (Дата обращения: 01.07.2017.)
42. Телеграммы П.Н. Енгальчева о высылке немцев-колонистов. 1915 г. // ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 460. 35 л.
43. Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война: Материалы Международного научного colloquiuma. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 83–101.
44. Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // *The Russian Review*. 2001. Vol. 60. N 3 (Jul., 2001). P. 404–419.

References

- Bahturina A. Ju. «Luchshe pust' nemcy razorjatsja, chem budut shpionit'»: Nemcy-kolonisty i rossijskoe obshhestvo v gody «germanskoj» vojny // *Novyj istoricheskij vestnik*. 2013. Vyp. 35. P. 6–32.
- Vasil'ev I. I., Zdanovich A. A. General N. S. Batjushin. Portret v inter'ere russkoj razvedki i kontrrazvedki // Batjushin N. S. Tajnaja voennaja razvedka i bor'ba s nej. Moscow: OOO «H-history», 2002. P. 26–28.
- Gol'din S. Deportacija russkoj armiej evreev iz Kovenskoj i Kurljandskoj gubernij // *Evrei v menjajushhemsja mire: Materialy 5-j mezhdunarodnoj konferencii* (Riga, תרתיקא, 16–17 sentjabrja 2003 g.). Riga: Centr izuchenija iudaiki Latvijского Universiteta, 2005. P. 260–265.
- Gol'din S. Russkoe komandovanie i evrei vo vremja Pervoj mirovoj vojny: Prichiny formirovanija negativnogo stereotipa // *Mirovoj krizis 1914–1920 godov i sud'ba vostochnoevropskogo evrejstva*. Moscow: ROSSPJeN, 2005. P. 29–46.
- Doznanija i perepiska po delam o grabezhah, maroderstve, torgovle spirtom. 1916 g. // RGVIA. F. 2068. Op. 1. D. 301. 593 l.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

- Dokladnye zapiski o proekte Polozhenija o polevom upravlenii vojsk. 1913–1914 gg. // RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 2305. 113 l.
- Dokumenty o presledovanii evreev // Arhiv russskoj revoljucii. Berlin, 1928. P. 245–284.
- Zapadnye okrainy Rossijskoj imperii. Pod red. M.D. Dolbilova i A.I. Millera. Moscow: NLO, 2006. 608 p.
- Zapiska A.Ju. Gerovskogo o politike Rossii v Prikarpat'e. Avgust 1914 g. // AVPRI. F. 323. Op. 617. D. 91. L. 8–13.
- Zdanovich A.A. Otechestvennaja kontrrazvedka (1914–1920): Organizacionnoe stroitel'stvo. Moscow: Kraft+, 2004. 240 p.
- Zolotarev A.M. Voенno-geograficheskij ocherk okrain Rossii i puti v sosednie territorii: Kurs voennyh i junkerskih uchilishh. Saint Petersburg: Tipolit. M.P. Frolovoj, 1903. 246 p.
- Iz chernoj knigi russkogo evrejstva. Materialy dlja istorii vojny 1914–1915 godov // Evrejskaja starina. Trehmesjachnik Evrejskogo Istoriko-Jetnograficheskogo obshhestva. Saint Petersburg, 1918. Vol. X. P. 195–296.
- Ioffe G.Z. Vyselennie evreev iz prifrontovoj polosy v 1915 godu // Voprosy istorii. 2001. N 9. P. 85–97.
- Lor Je. Novye dokumenty o rossijskoj armii i evrejah vo vremena Pervoj mirovoj vojny // Vestnik Evrejskogo universiteta. Moscow; Ierusalim, 2003. N 8 (26). P. 245–268.
- Lor Je. Russkij nacionalizm i Rossijskaja imperija. Kampanija protiv «vrazheskih poddannyh» v gody Pervoj mirovoj vojny. Moscow: NLO, 2012. 304 p.
- Maksheev F.A. Voенnoe hozjajstvo. Kurs Intendantskoj akademii. Chast' tret'ja. Snabzhenija v voенnoe vremja. Pg.: Tipografija P. Usova, 1915. 612 s.
- Materialy ob organizacii grazhdanskogo upravlenija v Galicii. 1914–1916 gg. // RGVIA. F. 2005. Op. 1. D. 12. 337 l.
- Nelipovich S.G. V poiskah vnutrennego vraga: Deportacionnaja politika Rossii v 1914–1918 gg. // Pervaja mirovaja vojna i uchastie v nej Rossii. Moscow: GPIB, 1994. Vol. 1. P. 54–64.
- O vyselenii bezhencev. 1916 g. // RGVIA. F. 2032. Op. 1. D. 286. 23 l.
- O vyselenii evrejskogo naselenija vo vnutrennie gubernii Rossii i o hodatajstvah administrativno-syl'nyh lic ob osvobozhdenii ot vysylki. 1915–1916 gg. // GARF. F. 215. Op. 1. D. 904. 72 l.
- O vyselenii nemcev-kolonistov vo vnutrennie gubernii Rossii v svjazi s voennymi dejstvijami. 1914–1915 gg. // GARF. F. 215. Op. 1. D. 524. 324 l.
- O kolonistah, vysylke nemcev-kolonistov iz Privislinskogo kraja. 1914–1915 gg. // GARF. F. 215. Op. 1. D. 611. 254 l.
- O konfiskovannom imushhestve nemcev-kolonistov, pereshedshih na storonu Germanskih vojsk. 1915 g. // GARF. F. 215. Op. 1. D. 213. 25 l.
- O nabljudenii za peredvizheniem nemeckih vojsk na territorii gubernij Carstva Pol'skogo. 1914 g. // GARF. F. 215. Op. 1. D. 167. 132 l.
- O prizyve evreev. 1913–1916 gg. // RGVIA. F. 400. Op. 19. D. 37. 342 l.
- Ob organizacii Polozhenija o polevom upravlenii vojsk. 1913–1914 gg. // RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 2312. 382 l.
- Ob organizacii upravlenija v okkupirovannoj russkimi vojskami Galicii. 1914–1915 gg. // RGVIA. F. 2005. Op. 1. D. 13. 646 l.
- Obshhie rasporyzhenija o vysylke evreev. 1915 g. // RGVIA. F. 2049. Op. 1. D. 455. 168 l.
- Obshhie rasporyzhenija o vysylke evreev. 1915–1916 gg. // RGVIA. F. 2049. Op. 1. D. 456. 428 l.
- Perepiska o vyselenii nemcev-kolonistov. 1914–1917 gg. // RGVIA. F. 2005. Op. 1. D. 28. 336 l.
- Perepiska o vysylke kolonistov, evreev. 1915–1916 gg. // RGVIA. F. 1932. Op. 12. D. 67. 692 l.

- Perepiska ob ogranichenii v#ezda evreev v Galiciju. 1914–1917 gg. // RGVIA. F. 2003. Op. 2. 1869. 219 l.
- Perepiska s gubernskim zhandarmskim upravleniem o zapodozrennyh v shpionazhe. 1914–1915 gg. // RGVIA. F. 1932. Op. 2. D. 340. 451 l.
- Podlinnye postanovlenija Varshavskogo general-gubernatora o nalozhenii administrativnyh vzyskanij. 1915 g. // GARF. F. 215. Op. 1. D. 699. 275 l.
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Tret'e. SPb.: Gosudarstvennaja tipografija, 1895. T. XII. 1892 g. St. 8757. P. 480.
- Polozhenie o polevom upravlenii vojsk v voennoe vremja: Proekt. Saint Petersburg: Voen. tip., 1914. 67 p.
- Poljan P. Ne po svoej vole... Istorija i geografija prinuditel'nyh migracij v SSSR. Moscow: OGI, 2001. 328 p.
- Rasporjazhenija Verhovnogo Glavnokomandujushhego. 1914 g. // RGVIA. F. 2019. Op. 1. D. 10. 342 l.
- Riber A.Dzh. Menjajushhiesja koncepcii i konstrukcii frontira: Sravnitel'no-istoricheskij podhod // Novaja imperskaja istorija postsovetskogo prostranstva: Sbornik statej (Biblioteka zhurnala «Ab Imperio»). Kazan': Centr Issledovanij nacionalizma i Imperii, 2004. P. 199–222.
- Riber A.Dzh. Ustojchivye faktory rossijskoj vneshnej politiki: Popytka interpretacii // Amerikanskaja rusistika: Vehi istoriografii poslednih let. Sovetskij period: Antologija. Samara: Izd-vo Samarskogo un-ta, 2001. P. 94–145.
- Rossija. Demografija evrejskogo naselenija Rossijskoj imperii (1772–1917) // Jelektronnaja evrejskaja jenciklopedija. Vol. 7. Stlb. 382 // <http://www.eleven.co.il/article/15443> (Data obrashhenija: 01.07.2017.)
- Telegrammy P.N. Engalycheva o vysylke nemcev-kolonistov. 1915 g. // GARF. F. 215. Op. 1. D. 460. 35 l.
- Holkvist P. Total'naja mobilizacija i politika naselenija: Rossijskaja katastrofa (1914–1921) v evropejskom kontekste // Rossija i Pervaja mirovaja vojna: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin, 1999. P. 83–101.
- Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // *The Russian Review*. 2001. Vol. 60. N 3 (Jul., 2001). P. 404–419.